

© 1995 г.   В.Б. ИВАНОВ

ГРАНИЦЫ СЛОВА И ИНКАПСУЛЯЦИЯ В ПЕРСИДСКОМ, ТАДЖИКСКОМ И ДАРИ

Названные три близкородственных языка имеют много общего в лексике, грамматике, фонетике и других аспектах, что позволяет их носителям легко общаться. Это общее при определенной обработке сводимо к единому глубинному метаядру, которое характерно также и для их непосредственных предков - ново- и среднеперсидского языков. Категории и правила, о которых говорится в данной работе прослеживаются в течение двух последних тысячелетий развития языка из среднеперсидского состояния через новоперсидское (так называемый классический персидский язык) к современным персидскому, таджикскому и дари.

Цель данной работы - исследование трех недостаточно разработанных аспектов грамматики этого ядра.

1. **Определение слова и словесных границ.** Некоторые правила и понятия, проливающие свет на поставленную проблему, содержатся в работах [Пейсиков 1973: 146-152] и [Рубинчик 1981: 116]. Но в них рассматривается в основном лишь одна сторона проблемы - отличие сложного слова от единиц более высокого уровня - фразеологизмов и словосочетаний. Отличие же слова от более мелких единиц - составляющих слово морфем (приставок, суффиксов, аффиксов) и их сочетаний - последовательно не рассматривалось. Отсюда отсутствие определения слова как такового для иранских языков и, следовательно, неопределенность грамматических и лексикографических единиц.

2. **Синтаксические связи незначительных частей речи.** Пока исследованы синтаксические связи в образованиях более высокого уровня - словосочетаниях и предложениях. Связь разного рода несамостоятельных слов - энклитик, предлогов и т.п. со значительными частями речи и между собой не рассматривалась. Решение данной проблемы зависит от предыдущей (см. п.1). В работе показано, что синтаксические связи энклитик со значительными частями речи осуществляются с помощью инкапсуляции.

3. **Уточнение классификации типов связи в словосочетаниях.** Это предполагает описание структуры словосочетаний, основанных на артикле, которые пока не рассматривались иранистами¹, а также рассмотрение словосочетаний, основанных на энклитическом союзе -о "и".

Примеры синтаксических моделей большей частью приводятся на персидском языке как одном из отображений правил метаядра. Во многих случаях этого вполне достаточно для описания, т.к. фонетическая перекодировка на среднеперсидский, таджикский, дари и соответствующая замена лексем не привносит в синтаксис ничего принципиально нового. Случаи структурных несоответствий оговариваются особо. Накладываемые ограничения на выводимые определения и термины заключаются в том, что они не должны противоречить понятиям общего языкознания.

В известных нам иранистических работах более крупные единицы - словосочетание, предложение - определяются через более мелкие (см. [Пейсиков 1959:

¹Связочная функция артикля в таджикском языке анализировалась в одном из докладов проф. Н.Касымовой (ТаджГУ), содержание которого нам пока неизвестно.

15, 207-208]). Поэтому определения слова у О.С.Ахмановой [Ахманова 1966]² не могут быть непосредственно использованы для решения поставленной проблемы, т.к. слово здесь определяется через более крупную единицу – предложение. Для приведения всей системы в соответствие с этим определением нужно пересмотреть многие разделы и разработать процедуру выделения слова из предложения. Кроме того, указанные определения оперируют такими расплывчатыми субъективными трудно структурируемыми понятиями, как "участок действительности", "потенциальный минимум", "предельная составляющая предложения", которые не рассматривались иранистами и потребовали бы длительных сопоставлений.

В современной иранистике³ различные уровни исследовались разными учеными и с различной тщательностью. Поэтому общая картина выглядит довольно пестрой, а на стыке уровней, например, при переходе от морфологии к синтаксису, возникает множество проблем. Попытка состыковать соседние уровни, исследованные разными учеными, заставляет иногда пересматривать общую концепцию теории языка. В итоге имеем следующие рабочие определения языковых единиц, в целом не противоречащие теории общего языкознания (ср. соответствующие определения в словаре [Ахманова 1966]):

С л о в о с о ч е т а н и е – сочетание двух или более оформленных подчинительной связью знаменательных слов, обладающее смыслом и служащее материалом для построения предложений (определение словосочетания с учетом инкапсуляции будет уточнено ниже).

П р е д л о ж е н и е – предикативная группа слов/словосочетаний, выражающих законченную мысль.

Существенный недостаток иранистических грамматик, которые оперируют подобными дефинициями, заключается в том, что все понятия определяются через термин "слово", который сам по себе нигде не определяется.

Существует мнение, что слово – это фундаментальная единица языка, данная нам интуитивно и неподдающаяся определению. Субъективные представления лингвистов позволяют произвольно делить речь на слова и подразделять их на части речи, что в свою очередь приводит к наблюдаемому в иранистике разнообразию грамматик, в которых число частей речи варьирует в широких пределах. Многие вопросы регулируются "здравым смыслом", но для создания порождающих моделей этого недостаточно. Большая часть вопросов была бы снята, если бы иранистам удалось прийти к единому мнению, что считать словом и его признаками. В нашей работе предлагаются следующие определения, неоперирующие приведенными выше терминами.

С л о в о – это часть высказывания между двумя ближайшими словесными границами. Словесные границы в свою очередь могут быть слабыми и сильными.

П р а в и л о 1. Сильная словесная граница начинается и/или завершает высказывание.

Практически это означает совпадение словесной и фразовой границ. Другими словами, все, что можно сказать одной фразой (на одном выдохе, непрерываемом выдохом) обрамлено словесными границами. А т.к. подавляющее большинство слов в рассматриваемых языках можно представить в виде отдельной фразы (односоставных предложений, слов-предложений, междометий), то таким способом устанавливаются словесные границы для имен, глаголов и других знаменательных частей речи, а также для некоторых незначительных – междометий, союзов.

² Слово – это предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного участка (кусочка) действительности и направляться (указывать) на эту последнюю." или "Слово – потенциальный минимум предложения, рассматриваемый только в синтаксическом плане".

³ В большей степени разработаны персидский и таджикский, в меньшей – дари; синтаксис новоперсидского языка систематически не описывался. Синтаксису среднеперсидского языка посвящена работа [Молчанова 1966].

Те места внутри фразы, которые допускают более или менее значительную смысловую паузу (порядка сотен миллисекунд) являются сильными словесными границами. Такие значительные паузы внутри фразы используются ораторами (дикторами, лекторами, докладчиками, преподавателями и т.д.) для подчеркивания отдельных слов (а иногда при вспоминании и подборе подходящего слова; в этом случае в паузу могут быть произвольно вставлены некоторые звуки и даже целые слова: в русской и английской речи обычно вставляется э..., в персидской — *ciž...* "вещь". По сути дела, эти звуки - регистрируемые аппаратурой факультативные акустические маркеры сильных словесных границ.) Закономерностью является то, что при такой паузации, будь то произвольной, будь то произвольной, предшествующая паузе часть фразы или по крайней мере последнее фонетическое слово в ней произносятся с интонацией незавершенности. Непривычная или неожиданная паузация на сильной словесной границе используется юмористами для комического эффекта.

Для глобального деления любого предложения на слова можно прибегнуть к несколько искусственному (однако нередко используемому писателями) приему - парцелляции. Например, предложение

Он вошел и увидел ее. парцеллируется, следующим образом: *Он. Вошел. И... Увидел. Ее.*

Практически, сильные словесные границы - это паузы, которые могут быть обозначены компетентным носителем языка в процессе парцелляции. Они имеют следующие иерархические свойства: 1) проходят по фонетическому слогоразделу (+); 2) проходят по фонологической межсловесной паузе (#); 3) проходят по границам между фонетическими словами¹; 4) границы более высокого уровня (между синтагмами, составом подлежащего и сказуемого, между темой и ремой) могут проходить только по сильным словесным границам.

В быстрой речи пауза # как перерыв в звучании физически может сокращаться до 0 мс². Однако от этого она не прекращает своего фонологического существования. В некоторых случаях, не проявляясь во времени, она реализуется фонологически. Например, в русской фразе *Пусть отойдет*, произнесенной без паузы, финальное /т/ в слове *пусть* остается мягким, слогораздел проходит после него. В персидском языке (но не в таджикском и дари) наличие паузы может быть диагностировано по неразложению квазидифтонга /ow/ перед гласным, напр. *jelow amad* "вышел вперед" (внутри слога перед гласным звук /w/ переходит в /v/ или режет в /y/, напр. *jelow* + изафетный показатель *-e* > *jelo-ve* > *jelo-ye*). В тех случаях, когда фонологический маркер отсутствует обнаружение паузы # становится затруднительным³.

С л е д с т в и е . В литературно-прозаических вариантах трех близкородственных языков, поскольку глагол завершает предложение, личное окончание указывает на следующую за ним словесную границу. По аналогии это следствие распространяется на разговорную речь и поэзию, где после глагола могут находиться другие части речи. Примеры: перс, дари *Bahar*. "Весна.", перс. *Bale* "Да." *Bacceha!* "Ребята!" *Ku?* "Где?", дари " *Xayriyat?* "Дела идут хорошо?" *Rafta*, "Ушел.", тадж. *Omad*. "Пришел." *He*. "Нет."

В приведенных примерах встречаются многоморфемные образования. Словесную границу нельзя провести ни перед суффиксом множественного числа *-ha* в перс, *bacceha*, ни перед суффиксом причастия прошедшего времени *-a* в дари

¹ Как вариант, допустимо объединение нескольких слов с сильными словесными границами в одно фонетическое слово, но новое фонетическое слово также обязательно будет обрамлено сильными словесными границами.

² В рассматриваемых языках нулевая пауза как правило наблюдается между именем и глаголом в сложных глаголах.

³ Вспомним известный пример неразличения на слух фраз: *Та марка упала. Тамарка упала. Там арка упала.*

rafta, т.к., хотя и возможны фразы типа перс. *Бабсе* "ребенок", перс. дари *raft* "ушел", но невозможны *ha, **a'*.

Если в одном из членов парадигмы окончание отсутствует (точнее, имеется нулевое окончание, которое в данном случае обозначим как *-0*), то словесная граница проходит после нулевой флексии). Примеры: перс. *Бехӯб-0* "спи" - *bexabid* "спите", *арнад-0* "пришел" - *amadand* "они пришли", дари *хана-0* "дом" - *xanaha* "дома", *хуб-0* "хорошо" - *xubtar* "лучше". Сходные по звучанию словоформы типа "бегал/бежите" различаются наличием/отсутствием нулевой флексии (в персидском отражается только этот фактор - перс. *midavid-0*/*imidavid*) и гласным последнего слога - *дапу медавид-01* *medaved*, тадж. *медавид-01* *medaveed* (в таджикском и дари отражаются оба фактора)

Первого правила недостаточно, чтобы классифицировать все образования по принципу "слово/часть слова". В потоке речи в персидском, таджикском и дари (в отличие от русского и других европейских языков) встречаются образования, которые носители языка интуитивно считают словами, а языковеды аргументированно классифицируют как части речи, и в то же время только с одной стороны могут быть оформлены фразовой границей, а с другой - не могут, т.е. всегда примыкают к другим образованиям.

А к с и о м а 1. Слово обладает свойством непроницаемости, т.е. внутрь одного слова нельзя вставить другое.

При ином подходе в грамматику пришлось бы вводить множество отрицательных правил, объясняющих, почему, например, словом не являются словосочетания и предложения, что сделало бы ее излишне громоздкой.

А к с и о м а 2. Любое высказывание (фразу, предложение) можно поделить на слова.

Текст делится на синтаксические группы, которые в свою очередь делятся на более мелкие образования и т.д., которые в конечном счете членятся на слова. При этом на некотором этапе анализа синтаксическая группа может быть расчленена на словоформы.

Словоформы синтетического типа представляют собой одно слово, в котором его части - флексии, суффиксы, приставки - указывают на одно или несколько грамматических значений. Например, в персидской синтетической глагольной словоформе *miavardand* " [они] приносили" окончание *-and* указывает на 3 лицо мн. число, а приставка *mi-* при основе прошедшего времени - на имперфект (прошедшее длительное время). В синтетической именной словоформе *danessahiyan* "университетские деятели" суффикс *-an* указывает на мн. число и одушевленность. Словоформы синтетического типа далее на слова не делятся, все обнаруживаемые в них грамматические показатели являются частью слова.

Словоформы аналитического типа состоят из нескольких слов - одного основного, содержащего лексическое значение, и служебного, указывающего на грамматическое значение. В упомянутых иранских языках часто встречаются словоформы смешанного типа, в которых одно из служебных слов является синтетической словоформой. Например, в разг. дари *zada soda rafta tanesta naxat basem*, что можно понять как "мы, вероятно, не смогли продолжать подвергаться битью"⁸ лексическое значение содержится в неизменяемой части *zada* "битый", остальные слова формируют грамматическое значение, причем слово *basem* "будем" является синтетической глагольной словоформой (подробнее о такого рода формах см. [Островский 1991: 89]).

П р а в и л о 2. Слабая словесная граница внутри высказывания проходит там, где, хотя и нельзя начать/закончить высказывание, можно вставить слово.

⁸В персидском языке морфемы *-ha* (показатель мн. числа) и *-e* (показатель причастия прош. вр.) соответственно совпадают по фонемному составу с междометиями *ha?* "ну?" и *e?* "да, ну?", которые всегда обрамляются сильными словесными границами.

Вспомогательные глаголы *raftan* и *tavanestan* обычно не сочетаются в одной словоформе, этот искусственный пример приведен для указания порядка элементов в структуре словоформы.

Таким образом, если мы определили, что какой-то отрезок речи по правилу 1 является словом, то мы можем его использовать для диагностики образований, состоящих из нескольких морфем (слогов). Если нам удастся вставить такое слово между исследуемыми морфемами (например, с целью распространения: перс. *marz-esan* - *marz-e semali-y-esan* "их граница - их северная граница"), то мы заключаем, что в этом месте проходит словесная граница⁹. С помощью правила 2 понятие слова расширяется на оставшиеся незначительные и несамостоятельные части речи: местоименные энклитики, послелог *-ga*, краткая форма глагола-связки, артикль, нумеративная частица *-ta*, союзные энклитики *-ham*, *-niz*, исконно иранский сочинительный союз *-o/-u* (в отличие от заимствованного из арабского языка *va/wa/ea*), частица *ke/ki* и др.

С учетом слабых словесных границ, в частности, словом "становится" преверб (в большинстве грамматик определяемый как глагольная приставка), после которого перед глаголом можно вставить вспомогательный глагол *xastan* для образования форм будущего категорического времени, напр. перс. *bar naxdhad dast* "не поднимет" от глагола *bar dastan* "поднимать". В таджикском и дари, особенно в их разговорных вариантах, преверб и глагол не дистанцируются, преверб фактически срощен с основой, например, перс. разг. *bar nemidare* - дари разг. *namebardara* "не поднимает", перс. разг. *bar midyad* - тадж. *мебарояд* "выходит".

Правило 2 является рекурсивным, т.е. для использования в правиле 2 слово не обязательно должно быть определено по правилу 1, может быть предварительно использовано правило 2.

Слабые словесные границы, разделяющие слова в капсуле (см. ниже), обозначаются нами дефисом (-) и обладают следующими свойствами:

1. Они в общем случае не проходят по межсловной паузе #.

2. Как правило, они проходят по морфемному шву (т.е. соединению фонем на границе (-) происходит так же, как и внутри морфемы). В некоторых случаях имеет место фузия - такое сращение знаменательного и незначительного слов, при котором фонемный состав результирующей капсулы не тождествен сумме фонем составляющих ее слов. При фузии на морфемной границе возможна замена одних фонем на другие, их исчезновение и/или появление, а также комбинация этих случаев, например: перс. литер. *rafte-am* - разг. *raftaam* "я ушел" (во втором случае на месте суффикса и окончания произносится один долгий ударный гласный); дари литер. *rafta-am* - дари разг. *raftem* "я ушел"; перс. *ru + as* > перс. разг. *ru-s* "на нем"; перс. *he + as* > перс. разг. *beh-es* "ему"; перс. *mizanad + as* > перс. разг. *mizاناتes* "он ее бьет"; дари *mezanaad + at* > *mezanei* дари разг. "он тебя бьет"; дари *bacca + at* > дари разг. *bacet* "твой сын"; перс. и дари *koja + ast* > перс. и дари разг. *koja-s?* "где он?"; перс. и дари *ma + ham* > перс. и дари разг. *tam* "мы тоже".

3. Слабые словесные границы в общем случае не совпадают со слогоразделом (следствие второго свойства, см. примеры в пункте 2).

Слова, разделенные слабыми словесными границами, образуют капсулу - единое фонетическое слово, объединенное одним словесным ударением. (В работе [Барулин 1988: 282] данные единицы называются клитическими сращениями, например в русском языке *я бы, он-то, ты ведь, ей-богу, ишь ты, черти-что* и т.д. Однако, в отличие от высказанной там концепции в рассматриваемых нами языках клитики способны образовывать самостоятельные фонетические слова, например в разговорном персидском имеем сращение предлога с местоименной энклитикой перс. *ba* "с" + *-esan* "их" > перс. разг. *bahasun* "с ними"; в литературном - сращение союза *va* "и" с энклитическим союзом *-niz* "также" > перс. литер. *va-niz* "а также".)

Безусловно, дробление потока речи на слова парцелляцией по правилу 1 и диагностика слабых словесных границ вставкой по правилу 2 могут производиться компетентным носителем языка при соблюдении семантических правил, т.е. получаемые образования не должны быть бессмысленной и по шкале, определяемой в работе [Апресян 1988: 263] должны получить оценку "правильно".

В пехлевийской графике оба вида словесных границ регулярно (хотя и не во всех случаях последовательно) обозначались на письме: сильные - пробелом, слабые - отсутствием соединения между в принципе соединяемыми буквами внутри графического слова (в транскрипции среднеперсидских текстов их принято обозначать дефисом). Например, *u-s pad (last das-e(v) I ahanen deist* "и он держал в руке железный серп" [Чунакова 1987: 67]; *harvisp roz l-t zhdagih* "все дни твоей жизни"; *an xwamn l-m did* "тот сон, который я видел" [Чунакова 1987: 40]; *roz-e* "однажды".

По приведенным примерам видно, что местоименные энклитики *-m*, *-t*, *-s* (а также энклитики множественного числа) и артикль *-e(v)* уже тогда составляли одну капсулу с предыдущим словом. Несомненно, такую же позицию занимал и изафетный показатель *-I*, хотя на письме он с обеих сторон отделялся пробелами.

В современной персидской вязи в Иране и Афганистане регулярность обозначения слабых словесных границ в значительной степени утрачена (вероятно под влиянием арабской традиции, ср. написание *aleykum/alaykum* "вам", где энклитика *-kum* пишется слитно с предлогом). Для некоторых энклитик характерно слитное написание - местоименные энклитики, артикль; для некоторых отдельное - нумеративная частица *-III*, частицы *-ham*, *-ni*; остальные допустимо писать и слитно, и раздельно - последлог *-ga*, союзная частица *-ke* (подробные орфографические правила с исключениями содержатся в учебниках персидского языка, см. например, [Шарова, Левковская, Иванов 1983]. В последние годы, однако, в Иране введен ряд орфографических правил (точнее корректорских, обозначаемых словом *virastegi* правка от глагола *virastan* "приводить в систему"), которые в большой степени восстанавливают обозначение слабых словесных границ [Sive 1985]. Местоименные энклитики после слов оканчивающихся на *-i* или *-e* пишутся с разрывом без пробела, например в перс. *dai-fya/s* "его дядя", *hame-fya/s* "все это". По таким же правилам стали писать глагольную приставку *mi-*, которая была словом еще на новоперсидском этапе развития фарси, но уже перестала быть таковым в современных персидском, таджикском и дари.

В таджикской кириллице в подавляющем числе случаев слабые словесные границы не обозначаются, что приводит к неосознанию носителями языка энклитик как слов. Регулярно обозначаются слабые словесные границы дефисом перед таджикски специфическими частицами *-ми*, *-чи*, *-ку*, *-дия* и т.п. и пробелом перед связкой *-аст* после именных частей речи *Ин сутун аст*. "Это столб." а также перед частицами *хам*, *низ* "также". В глагольных формах связка *-аст* пишется слитно *Рафтааст*. "Он ушел."

Продолжая пример с превербом, определим статус местоименной энклитики. Существует определяемое по правилу 1 слово *zan* "женщина, жена". В двухморфемном образовании, реализующемся как одно фонетическое слово с ударением на первом слоге, перс. дари *zanas* (перс. разг. *zanes*) "его жена" *-as/-es* по первому правилу не может считаться словом, т.к. эта морфема не может начинать высказывание (хотя и может его завершать). Однако, между этими морфемами всегда можно вставить определение к существительному *zan-e xosgel-as* "его красивая жена", что по второму правилу сигнализирует нам о словесной границе перед *-as/-es*. Значит - местоименная энклитика является морфологическим словом и должна рассматриваться как часть речи. (Во многих работах она называется суффиксом или просто энклитикой без уточнения морфологического статуса. В некоторых работах, посвященных таджикскому языку, местоименные энклитики считаются суффиксами-показателями грамматической категории "принадлежность" подобно тому как суффикс *-ha* является грамматическим показателем мн. числа. Между тем, суффикс мн. числа от основы не отделяется. Определение же энклитик как суффиксов противоречит представлениям общего языкознания, т.к. между корнем и нормальным суффиксом слова не вставляются.)

При использовании полученного по правилу 2 слова для диагностики преверба в разговорном персидском внутри фразы *bar darin* "поднимите" вставляем место-

именную энклитику *bar-es darin* перс. разг. "поднимите его"¹⁰ (возможно и *bar darin-es* с тем же значением, [Пейсиков 1973: 19]). Любого из описанных методов достаточно, чтобы определить преверб как слово. Таким образом, – преверб является отдельной частью речи¹¹.

Аналогично доказывается, что в персидском языке словом и частью речи является прилагательное имя типа *gom* в *gom kardan* "терять", которое без компонирующего глагола не употребляется. Это подтверждается фразами *gom-es kard* "[он] его потерял" (вставка местоименной энклитики) и *gom xahad sod* "потеряется" (вставка служебного глагола). Если слово *gom* можно с определенными оговорками отнести к именным частям речи и даже прилагательным (иную точку зрения см. [Рубинчик 1981: 116]) по сочетанию *gom-e gom sod* "совсем потерялся" (в изафетную связь вступают только именное части речи, подобная дубликация характерна для прилагательных: ср. *salem-e salem* "здоров-здоровехонек", *mohkam-e mohkam* "крепко-накрепко", *mast-e mast* "пьяный в стельку"), то у целого ряда прилагательных слов и эти признаки отсутствуют: *low raftan* "распасться в результате предательства (одного из членов организации)", *reserv kardan* "зарезервировать", *okeu kardan* "одобрить". Прилагательное имя является наиболее абстрактной частью речи без грамматических категорий в рассматриваемых языках, через которую проходит основная масса иностранных заимствований. Часто наблюдается окказиональное заимствование русских и английских слов, в том числе глаголов, когда в этой позиции заимствуемые слова даже не меняют своего иноязычного оформления. В литературе по информатике встречаем гибриды типа: *dawnlowd kardan* "загружать шрифт в принтер" (от англ. *to download*), *riset kardan* "перезагружать, сбрасывать параметры аппаратуры в начальное состояние" (от англ. *to reset*); причем в персидском тексте именную часть сложного глагола изображается латиницей, а компонирующий глагол – вязью. Аналогичным путем попал в персидский язык русский инфинитив *boksovat kardan* "буксовать".

Своеобразие близкородственных языков персидского, таджикского и дари по сравнению с инструментально обследованными европейскими языками заключается помимо прочего в том, что деление речи на морфологические слова нечасто совпадает с делением на слова фонетические, т.е. группы слогов, объединенных одним словесным ударением. Причем граница между словами морфологическими, если не принимать во внимание инкапсуляцию (см. ниже), может проходить в непривычных для общего языкознания местах: внутри слога – между согласным и последующим гласным, как например в перс. *cesmas* ~ дари *casmas* – тадж. *чаимаш* "его глаз [a]" (слогоделение – *ces-mas*, словоделение – *cesm-as*).

Словесные границы для изафетного показателя – наиболее грамматикализованной и лексически опустошенной частицы – можно установить по аналогии: перс. *pedar-e sagerd* – *pedar-o madar-e sagerd* "отец ученика – родители ученика" (Изафетный показатель оказывается в той же позиции, что и энклитический союз –о "и"). Попытка внедрить слово между изафетным показателем и именной частью речи, к которой он относится, не дает результата, т.к. из-за лексической опустошенности мы не можем определить, появился ли новый показатель или остался прежний. Примеры: перс. *otaq-e rais* — *otaq-e jadid-e rais* "кабинет директора – новый кабинет директора"; перс. *bolandtarin-e banaha* – *bolandtarin-o modertarin-e banaha* "самые высокие из зданий – самые высокие и современные из зданий". Данную проблему можно было бы решить, вводя новую грамматическую категорию для имени –

¹⁰ В дари внедрение местоименной энклитики между превербом и глаголом невозможно.

¹¹ Касательно последнего приведенного примера заметим, что если мы встанем на точку зрения тех, кто считает преверб приставкой, а местоименную энклитику суффиксом, то должны будем помимо ненаблюдаемой в других языках способности дистанцироваться у этих "частей слова" отметить еще одну странность: суффикс присоединился непосредственно к приставке, в то время как основа с окончанием следуют за ними.

статусконструктивную форму. Тогда изафетный показатель становился бы частью слова - словоизменительным аффиксом.

Внутри слова морфемы связаны морфологической связью, которая реализуется двумя способами: швом и стыком. Шов - соединение морфем внутри слова, при котором их пограничные фонемы соединяются так же, как и внутри морфемы. В случае стечения двух гласных на шве возникают эпентетические вставки. Примеры присоединения суффикса *-i*: *boland* "высокий" - *bolandi* "высота", *xane* "дом" - *xanegi* "домашний". Стык - соединение морфем внутри слова, при котором их пограничные фонемы соединяются также, как на сильной словесной границе. Стык характерен для полуаффиксации - словообразовательной модели с участием основы настоящего времени (ОНВ) глагола: перс. *now* "новый" + ОНВ *andisidan* "думать" + суффикс *-i* - *now'andisi* перс. (данный пример пригоден только для персидского языка), *dast* "рука" + ОНВ *avordan* "приносить" - *dast'avard* "достижение" (для персидского, таджикского и дари).

Выяснив инвентарь слов, будем исходить из тех достаточно тривиальных утверждений, что, во-первых, всякое слово должно быть классифицировано как часть речи, и, во-вторых, во всяком высказывании слова между собой связаны синтаксической связью. Синтаксическая связь имеет иерархический характер. Речь (текст) членится на сверхфразовые единства (абзацы), которые в свою очередь делятся на фразы (предложения).

Абзацы в указанных языках специально не изучались, но одна из их особенностей заключается в том, что первое предложение абзаца обязательно должно быть двусоставным полным, т.е. должно иметь подлежащее. Последующие предложения могут быть неполными, без подлежащего. В этом случае подлежащее в них восстанавливается из ближайшего предыдущего полного предложения (Например: *Emruz modir-e amel az karxane didan nemudand. Ba'd az jalase dar mardsem-e efitah-e hargah-e jadid serkat kardand.* "Сегодня директор-распорядитель осмотрел завод. После заседания [он] принял участие в церемонии пуска нового цеха.")

Предложения делятся на словосочетания (определение см. выше). Между словосочетаниями и словами современная иранистика пока промежуточных единиц не предусматривает. В → же время можно привести множество примеров регулярно образуемых комплексов, больших чем слово, но не укладывающихся в традиционное определение словосочетания. Подобные комплексы применительно к русскому языку называются в работе [Барулин 1988: 281] композитами, клитическими срращениями. Однако, в русских композитах, как это следует из текста работы, синтаксических связей как бы не существует; в то время как в наших языках они могут быть прослежены. Принимая во внимание наличие синтаксических связей между знаменательными и не знаменательными словами, их можно назвать субсловосочетаниями.

В рассматриваемых языках обнаруживается 10 классов энклитических частей речи, образующих субсловосочетания:

1. Местоименные энклитики: перс. *dast-am* - дари разг. *dest-em* ~ тадж. *dast-am* "моя рука"
2. Артикль: перс. *zan-i* -дари *zan-ē* -тадж. *zane* "некая женщина"
3. Краткая связка: перс. *rafte-ast* - дари *rafta-ast* - тадж. *paftaast* "он ушел"
4. Послелог¹²: перс. *ketab-ra xaridam* -дари *ketab-ra xaridam* -тадж. *Kumob-ro xaridam*. "Я купил книгу."
5. Нумеративная частица: перс. *do-ta* - дари *do-ta* ~ тадж. *du-to* "две штуки"

¹²Данная энклитика называется нами послелогом чисто традиционно. Ее основная функция заключается в указании на выделенность группы прямого объекта, см. [Пейсиков 1959: 36-37]. В позиции группы прямого объекта в персидском языке в отличие от таджикского и дари может находиться придаточное определительное предложение. Несколько отличающуюся трактовку функции *-ga* для этого случая см. [Веретенников 1994: 134].

6. Сочинительный союз *-o/-o/y*. перс, *bist-o do* -дари *bist-o du* -тадж. *бисту ду* "двадцать два"

7. Союзная частица *ke/ke/ku*¹²: перс, *midanam-ke kas-i nist* -дари *medanam-ke kas-ê nest* -тадж. *медонам, ке касе нест* "Я знаю, что никого нет."

Мы называем *ke* союзной частицей, а не союзом с целью подчеркнуть ее грамматическую "ущербность" по сравнению с соответствующими союзами в европейских языках. Во-первых, она настолько грамматикализовалась и утратила лексическое значение, что приобрела способность вводить большинство придаточных предложений и прямую речь, что низводит ее до функций акустически выраженного знака препинания. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев ее употребление факультативно, связь главного и придаточного предложений при ее опущении не утрачивается, происходит лишь усиление интонационного выражения синтаксической связи - большой подъем тона для обозначения незавершенности в главном предложении и более резкий спуск "точковая интонация" в конце всего сложноподчиненного предложения: перс, *ceraq-ke rowsan sod hayahu bald gereft*. "Когда зажегся свет, поднялся шум." (прид. врем.); перс, *miguyand-ke taze bargaste ast*. "Говорят, что он недавно вернулся." (прид. доп.); перс, *miguyad-ke taze bargaste-am*. "Он говорит: —Я недавно вернулся...." (прям. речь); перс, *amad-ke zan-e xod-as-ra bebinad*. "Он приехал, чтобы повидаться с женой." (прид. цели); перс, *ahmad-ke Cehran narafte bud besyar ta'job kard*. "Ахмед, который не был в Тегеране, очень удивился." (прид. определительное)

8. Частицы *kelxu/ku*: перс, *un-ke gofte* -дари *u-xu gofta* -тадж. *вай гуфт-ку* "он же сказал"

9. Союзные частицы *-[h]am/-[h]am/-x, aM, niz/niz/nuz*: перс, *baradar-am-[h]am* ~дари литер, *berader-am-ham* ~дари разг. *byader-am-am* -тадж. *бародарам х,ам* "и мой брат/мой брат тоже" (В парном употреблении *ham... ham...* и... и... с обеих сторон оформляется сильными словесными границами).

10. Специфические для таджикского языка частицы *-ми, -ни, -дия*: тадж. *Когаз тунук-ми?* "Бумага тонкая?" *Мегузаред-дия?* "Вы пройдете?" *Ба хона равед-чй?* "Шли бы вы домой, а?"

Основное отличие инкапсуляции от других видов синтаксической связи, проявляющихся на уровне словосочетаний, таких как изафетная, предложная, местоименная, заключается в том, что при связываемых ею словах не возникает дополнительных служебных элементов - материальных носителей связи (изафетного показателя, предлога, местоимения). Не выражается эта связь и в флексиях связываемых слов, как это происходит при управлении и согласовании (последние два вида связи в рассматриваемых языках встречаются на уровне предложения, но не словосочетания). Отличие инкапсуляции от примыкания, которое так же не предполагает подобного носителя связи, заключается в устранении межсловной паузы (#), после чего служебное слово инкапсулируется вместе с знаменательным в одну капсулу. Переход стыка в шов после знаменательного слова перед энклитикой является фонологическим следом инкапсуляции.

Отличие инкапсуляции от агглютинации (в том смысле как ее понимают в отношении тюркских языков) заключается в следующем:

1. Инкапсуляция проявляется на уровне синтаксиса т.е. обеспечивает связь слов в словосочетаниях и субсловосочетаниях, тогда как агглютинация в основном проявляется на уровне морфологии, т.е. с ее помощью образуются словоформы.

2. В капсуле словесные границы остаются прежними и прозрачными для вставляемых слов, в то время как в месте присоединения аффикса по принципу агглютинации словесная граница исчезает.

Турецкое *Ben müdürüm*. и персидское *Man modir-am*. "Я директор." при внешнем сходстве структур (личное местоимение, существительное, глагольный аффикс - связка) отличаются словесной непроницаемостью второго фонетиче-

¹² Возможно и неэнклитическое употребление частицы *ke*. В дари она употребляется преимущественно проклитически.

ского слова. Распространение этих предложении происходит с существенными структурными отличиями: *Ben yeni mudurum.* ~ *Man modir-e taz̄e-y-am.* Я новый директор, т.е. в турецком распространенном предложении порядок следования морфем в комплексе существительное + предикативный показатель остался прежним, тогда как в персидском - между ними внедрилось определение.

Структура субсловосочетаний. Аналогично изафетным словосочетаниям в субсловосочетаниях распространяющие элементы располагаются в постпозиции по отношению к распространяемому. Первую позицию занимает не более, чем одно самостоятельное слово (диагностируемое парцелляцией по правилу 1), один из слогов которого несет на себе словесное ударение, цементирующее субсловосочетание в одно фонетическое слово. Самостоятельными словами могут быть следующие части речи (примеры даются в персидском произношении):

Именные:

1. Существительное, *dast-as* "его рука", разг. *dust-emun-o* "нашего друга".

2. Прилагательное, разг. *bistar-esun* "большинство из них", *rast-es-o bexafshin* "по правде говоря".

3. Местоимение, *man-shjam* "я тоже", разг. *una-i-ro-ke...* "тех, которых...".

4. Числительное, *bist-o do-ta* "22 штуки", *sad-i si* "30%".

Глагол и приглагольные части речи (без глагола не употребляющиеся):

5. Глагол, разг. *raft-es* "он ушел", *goft-esun* "он сказал им", *biyare-s/ biyarat-es* "чтобы он его привел".

6. Преверб *bar/var.* разг. *var-es darin* "поднимите его".

7. Приглагольное имя. разг. *vel-es konin* "оставьте это", *lov-es dade* "он его выдал".

Незнаменательные части речи:

8. Предлог, *baraye + as > baray-aslbara-s* "для него", *tu + as > tu-yas/tu-s* "внутри него", *az-es* "у него"

9. Союз, *va-niz* "а также".

Для всех самостоятельных слов характерно сохранение ударения. Имена имеют финальное ударение. В предложных субсловосочетаниях допустимо двоякое акцентирование: чаще на последнем слоге предлога (*bara-s* "для него"), реже на энклитике (*az-es* "у него"). В разговорном персидском возможно ударение на вставке между предлогом и энклитикой (*ba-ha-sun* "с ними"). В глагольных образованиях ударение ставится по тем же правилам, что и в некапсулированных глагольных формах разг. *nadidi-s?* ты не видел его (с ударением на отрицании *na*). Сохранение словесного ударения внутри субсловосочетания отличает его от схожих по структуре синтаксикоподобных сращений: Слово *faramusammakon* "незабудка" (дословно не забудь меня), хотя и допускает вычленение глагольной части с отрицанием *'ma*, оформлено одним финальным словесным ударением (что сигнализирует нам о том, что это сращение), границы между бывшими словами срослись, не допускают вставок или замен (не существует, например, слова **faramusesnakon* дословно "не забудь его"), т.е. оно функционирует в языке как существительное-лексема.

Последующие позиции в субсловосочетании занимают одна или несколько энклитик. После числительного может следовать до 5 энклитик: В примере перс. разг. *bist-ta-sun-o-shjam-ke nadidam* "Я же тоже двадцатерых из них не видел." есть следующие распространяющие элементы, вместе с числительным формирующие непредикативную капсулу: 1) нумеративная частица *-ta* \ 2) местоименная энклитика *-san/-sun* \ 3) послелог *-ga/-zo/-o*; 4) местоименная частица *-shjam*; 5) частица *ke*.

В примерах с предикативными капсулами *ruz-i-st-ke amadam* "именно в этот день я приехал" после имени следуют: 1) артикль *-i*; 2) краткая связка *-fajst*; 3) союзная частица *ke*.

При антецеденте придаточного определительного предложения *Xabar-i-ro-ke gofti nasfejvide budam.* "Я не слышал новости, которую ты мне сказал." энкли-

тики имеют следующий порядок: 1) артикль -г; 2) послелог -го; 3) союзная частица *ке*.

Иная категориальная принадлежность изафетного показателя подчеркивается тем, что он с энклитиками не сочетается: перечисленные энклитики с изафетным показателем в одной капсуле не встречаются.

Словосочетания. В современной иранистике для персидского, таджикского и дари общепризнанными полагаются 3 типа словосочетаний:

1. Изафетные словосочетания типа перс, *xiyabdn-e markazi* "центральная улица".

2. Словосочетания с предложной связью типа перс, *az hame bozorgtar* "больше всех".

3. Словосочетания основанные на примыкании типа перс, *xeili behtar* "гораздо лучше".

Местоименные словосочетания типа перс. *Ahmad zan-as dargozast*. "Жена Ахмеда умерла." признаются не всеми (см. ниже).

В работе [Пейсиков 1964] дано определение словосочетания и характеристика его свойств (см. выше). При этом отмечаются два существенных ограничения:

1. Словосочетание может состоять только из знаменательных частей речи. По этой причине, например, *lab-e darya* "у моря" словосочетанием (изафетным) не считается, т.к. слово *lab* "губа" здесь функционирует как предлог, хотя в этом примере компоненты связаны изафетной связью.

2. Между компонентами словосочетания допускается только подчинительная связь. Поэтому такие устойчивые фразеологизмы как *pedar-o madar* "родители" (дословно отец и мать) или *rafte rafte* "постепенно" оказываются вне классификации.

Местоименные словосочетания в отличие от остальных не могут выполнять чисто номинативную функцию и вычлняются из предложения. К тому же между его компонентами проходит граница между темой и ремой, между составом подлежащего и сказуемого, что не характерно для словосочетаний. Эти "странности" обоснованно критикуются в иранистике.

Вводимый нами пятый тип словосочетаний – словосочетания, основанные на артикле, – напротив, соответствует всем классическим требованиям. Однако, по не совсем понятным причинам (может быть из-за отсутствия подобных образований в европейских языках) эта структура до сих пор не рассматривалась иранистами. Мы можем указать 6 основных структурно-семантических моделей артиклевых словосочетаний в персидском языке:

1. Числительное + артикль + числительное. Используется для обозначения процентов, например, *sad-i bist* "20%". Эта модель по смыслу эквивалентна предложному словосочетанию *bist dar sad*, но принадлежит более высокому стилю и, соответственно, менее частотна. С меньшей вероятностью в этой структуре может встретиться числительное *hezar* "тысяча": *hezar-i sisad* "триста [шансов] из тысячи, триста промилей".¹⁴

2. Существительное + артикль + числительное. Используется для указания приблизительного количества. Например, *nafar-i panj* "человек пять", *kargar-i bist* "человек двадцать рабочих". Эквивалентно трехчленному словосочетанию, основанному на примыкании, *taqriban panj nafar* "примерно пять человек", *taqriban bist kargar* "примерно двадцать рабочих", но несколько менее частотно.

3. [Числительное] + существительное + артикль + числительное + существительное. Обозначает регулярность какого-либо процесса, частоту какого-либо действия, *ruz-i do bar* "два раза в день", *hafte-i se ruz* "три раза в неделю", *se mah-i yek bar* "раз в три месяца", *sal-i do mah* "два месяца в год".

4. Существительное + артикль + [аз] + существительное во мн. числе для указания неопределенного количества чего-либо. Наиболее распространены случаи, когда в первой позиции в качестве именной части речи находится имя: *edde-i*

¹⁴ Не запрещены и аналогичные конструкции со словами *milyun* и *milyard*, которые нам однако пока в литературе не встречались.

[*azj mofaserin* "некоторые пассажиры*", *pare-i [az] xanandegan* "некоторые читатели", *kuh-i [az] asnad* "гора документов", *meqdar-i [azj ab* "немного воды", *besyar-i [az] danesmandan* "многие ученые". Подобные образования относились авторами то к словосочетаниям, основанным на примыкании при отсутствии предлога, то к предложным - при его наличии (см. [Пейсигов 1959: 126, 225-227], [Овчинникова 1971: 19]).

5. Трудноклассифицируемые случаи типа *andak-i ta'ammol* "немного погода", *cand-i pis* "недавно", *moddad-i tafakkor* "некоторое раздумье", *gah-i owqat* "иногда".

6. Существительное + артикль + качественное прилагательное (аттрибутивное словосочетание). Например, *baq-i qasang* "какой-то красивый сад", *ruz-i xos* "прекрасный день". Эквивалентно изафетному словосочетанию с артиклем *baq-e qasang-i* "какой-то красивый сад", *ruz-e xub-i* "какой-то прекрасный день", но выше по стилю. Функционирует во всех трех литературных языках со времен классического периода.

Семантически первые пять типов артиклевых словосочетаний в наиболее общем виде имеют значение партитивности: они обозначают часть чего-то. В них нейтрализуется главная функция артикля - указывать на выделенность (невозможно подобрать к ним соответствующие невыделенные образования) (о выделенное™ см. [Рубинчик 1970: 817]). Поэтому в словосочетаниях такого типа артикль несет чисто связочную функцию. Причем в первом типе артикль присоединяется и относится к количественному числительному, что в традиционных грамматиках не отмечено. Шестой тип передает атрибутивные значения. Функция выделенное™ в нем за артиклем сохраняется и сочетается со связочной. Поэтому, уточняя грамматическую терминологию, следовало бы именовать артикль связочно-выделительным. Каждому из артиклевых словосочетаний шестого типа можно противопоставить невыделенное изафетное словосочетание. Партитивность в глубинном смысле возводима к атрибутивным отношениям: распространяющий элемент указывает, к чему относится часть чего-то, чему она принадлежит.

Во втором, третьем, четвертом и шестом типах артиклевых словосочетаний артикль, как это ему и положено в традиционных грамматиках, присоединяется и относится к существительному, в пятом типе - к именам разных категорий. В изафетных словосочетаниях с артиклем, построенных по модели "существительное + изафетный показатель + прилагательное + артикль", например *forusgah-e taze-i* "новый магазин", артикль присоединяется к прилагательному, но относится при этом к существительному (дистантное положение артикля).

Во всех шести моделях персидских артиклевых словосочетаний есть стержневое и распространяющее слова, артикль выступает в них связующим элементом (в контактном положении). Опускание артикля приводит к нарушению грамматико-смысловой целостности словосочетания, к бессмыслице. При обычном, несвязочном употреблении артикля со значением единичности или неопределенности его опускание возможно, грамматических нарушений это не вызывает, меняется только смысл высказывания: *mard* "мужчина" - *mard-i* "какой-то мужчина". В первых двух моделях артиклевых словосочетаний (для обозначения процентов и приблизительности) артикль полностью грамматикализован и не имеет лексического значения (напр. единичности). Аналогичная грамматикализация наблюдается в местоименно-артиклевом блоке *ce...-i?* "что за...? который...?", включающем в себя слово, к которому ставится вопрос, например: *ce sa'at-i?* "в котором часу?", *ce kas-i?* "кто?", *be ce ellat-i?* "по какой причине?". Грамматикализация в частности проявляется в том, что артикль, обычно обозначающий неопределенность и единичность, в этой функции употребляется и по отношению к существительным во множественном числе, которое помимо множества обозначает определенность: *ce axxas-i?* "Что за люди?", *ce ruzfijd-i?* "По каким дням?" (Не следует смешивать вопросительный блок *ce...-i?* со схожими вопросительными словами *ceciz?* "что?", *cekaq?* "что за дело?", *cetowr?* "как?", *cerang?* "какого цвета?" и т.п., в которых морфема *ce* входит в состав слова.)

Атрибутивность и связочная функция проявляются в использовании артикля и на другом синтаксическом уровне - в сложном предложении. (Об артикле в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными см. [Рубинчик 1970: 843]). Аналогично распространяющей части в атрибутивных артиклевых словосочетаниях придаточное определительное указывает на признак в широком смысле слова. Однако связочная функция артикля на уровне предложений проявляется гораздо слабее, т.к. употребление его в этой позиции факультативно, а основная тяжесть синтаксической связи падает на союзную частицу *ке/ки*. Часто опущение артикля перед придаточным определительным не является грамматической ошибкой, а лишь переводит высказывание из одного стиля в другой: использование артикля для ввода придаточного определительного характерно для нейтральной прозы; в поэзии, в архаично-высоком стиле, в разговорном стилях он как правило опускается.

Вполне возможно, что, раз начав употребляться в атрибутивно-связочной функции, артикль по мере развития языка расширит свою приложимость (по крайней мере в персидском языке). Аналогичное развитие уже прошел изафетный показатель, представляя собой на уровне древнеперсидского языка относительное местоимение, вводящее придаточное определительное предложение, на среднеперсидском уровне развился в грамматический показатель, обеспечивающий в современных языках подавляющее большинство атрибутивных связей в словосочетаниях.

Проблема сочинения в словосочетаниях. Если снять упомянутое ограничение на наличие подчинения как категории синтаксической связи в словосочетаниях, то в сфере анализа появляются словосочетания с так называемой сочинительной связью (здесь мы в общем поддерживаем идеи, высказанные в работе [Овчинникова 1971]). Мы вводим здесь только две модели таких сочетаний в рассматриваемых литературных языках, из которых первая значительно более продуктивна и представляет больший интерес:

1. Словосочетания, основанные на сочинительном энклитическом союзе: перс. *-o (-vo)* -дари *-o (-wo, -w)* -тадж. *-y (-yo)* - ср.-перс. *ud*. В смысловом плане они обладают номинативной функцией, т.е. также как и другие виды словосочетаний обозначают сложное понятие, могут образовывать назывное предложение. С точки зрения ритмики они схожи с изафетными словосочетаниями: энклитический союз образует одну капсулу с первым элементом словосочетания. После первого знаменательного слова перед союзом (внутри капсулы) пауза отсутствует, а перед вторым знаменательным словом - пауза хотя и допустима, но не употребительна. Все сочинительное словосочетание как правило произносится в одну синтагму.

В свободных словосочетаниях этот союз используется для связывания двух или более однородных членов предложения. Для связи предложений он используется в персидской прозаической речи редко (для этого служит заимствованный в исламский период из арабского языка неэнклитический союз *va/wa/ea*). В современном таджикском и дари энклитический союз для связи предложений используется существенно чаще, что является наследием прошлого этих языков: в средне- и новоперсидском языках он был единственным способом передачи значения и для связи слов и предложений. Большая часть подобных словосочетаний представляет собой фразеологизмы, т.е. имеет фиксированный порядок слов и воспроизводится целиком: перс. *pedar-o mddar* "родители", *sabz-o xorram* "цветущий", *farhang-o honor* "культура и искусство", *soste-vo rafte* "вылизанный", *hezar-o nohsad-o hafidd-o hast* "1978", тадж. *шаъну шараф ба...* "слава..."

Как правило в таких словосочетаниях связываемые энклитическим союзом элементы далеки от равноправия: последующие элементы распространяют предыдущий, зависят от него, имеют подчиненное значение. Асимметрия этих словосочетаний подчеркивается и тем, что изменение порядка компонентов как правило не допускается: такая замена либо нарушает стиль высказывания, либо приводит к полной бессмыслице (как в случае с составными числительными).

Все это весьма непохоже на сочинительную связь, к которой обычно такие сочетания относят.

Напротив, сочетания слов, основанные на неэнклитических (функционирующих как самостоятельные лексемы) сочинительных союзах *ya* "или", *ham... ham* "и... и...", *va* "и" существенно отличаются от союза *-o*. Их компоненты не имеют такой тесной смысловой связи как словосочетания, основанные на энклитическом союзе, и поэтому их номинативная функция (способность обозначать одно сложное явление) ослаблена (т.е. они обозначают столько явлений, сколько в них знаменательных компонентов). Они редко выступают как фразеологизмы, являются как правило свободными сочетаниями, перс. *cai ya qahve (biyaram)?* "(принести) чай или кофе?" *ham man ham soma...* "и я, и вы...", *joqrafiya va adabiyat (mixanim)* "(Мы изучаем) географию и литературу".

О менее тесной связи компонентов в таких сочетаниях нам сигнализирует и ритмика: между любыми их компонентами возможна более или менее значительная смысловая пауза. Перестановка их компонентов не приводит к каким-либо нарушениям. В отличие от энклитических сочинительных словосочетаний они не являются строительным материалом для построения предложений (или по крайней мере эта функция в них существенно ослаблена), а вычлениваются из него. Их отдельное от оставшейся части предложения произношение вызывает впечатление неполноты. Однако, категориальная граница между словосочетаниями на основе энклитического союза *-o* и сочетаниями на основе неэнклитического союза *va* размыта, что допускает взаимные переходы сочетаний из одной категории в другую и пополнение сочинительных фразеологизмов за счет свободных сочетаний.

2. Словосочетания, основанные на примыкании, состоящие из двух повторяющихся элементов. Они используются:

а) для указания распределительности перс. разг. *sis-ta sis-ta* "по шесть штук", литер. *daste daste* "повзводно", *dane dam* "поштучно".

б) для усиления признака *bala bale* "на самом верху", *kam kam* "чуть-чуть".

Та же тенденция просматривается в глагольных фразеологизмах типа тадж. *даст-даст кардан* "ощупывать" (в то время как *даст кардан* означает "дотронуться"). Целый ряд подобных многокомпонентных глагольных фразеологизмов, построенных по модели имя + имя + глагол (где первое и второе имя тождественны), приведены в работе [Веретенников 1993: 96], например перс. *сар [сар] negaristan* "смотреть подозрительно", *хун [хун] xordan* "терзаться". Однако в этом случае мы имеем дело с иной иерархией связей. Первичным здесь является сложный глагол со структурой имя + глагол, который допускает вставку еще одного экземпляра входящего в его состав имени. Поэтому второй элемент редуцированной структуры распространяет не первый элемент, а весь сложный глагол.

Большая часть редуцированных сочетаний является фразеологизмами типа перс. *расте расте* "постепенно". Произносятся они как одно фонетическое слово с основным ударением на последнем слоге и второстепенным на первом (а не на последнем слоге первой основы, как этого можно было ожидать)¹⁵. По сравнению со словосочетаниями, основанными на энклитическом сочинительном союзе *-o*, редупликационные словосочетания встречаются значительно реже, и далеко не всякие слова способны их образовывать, т.е. такой тип образования словосочетаний в отличие от всех прочих не является в современных языках продуктивным.

Строгость "сочинительное^{TM}" связи в редупликационных словосочетаниях безусловна: с одной стороны, равноправие входящих в них компонентов нельзя проверить перестановкой из-за их немаркированности; с другой стороны, часть из них схожа с редупликационными изафетными словосочетаниями типа перс. *tamiz-e tamiz* "очень чистый", в которых второй элемент распространяет первый, усиливая его качество, признак. Однако асимметрия редупликационных словосо-

¹⁵В дари ударение падает на последний слог первой основы *тека тека* "на кусочки".

четаний существенно меньше, чем у словосочетаний, основанных на энклитическом союзе -о. Фонетический фактор - оформление словосочетаний в одну синтагму или даже одно фонетическое слово - играет второстепенную роль; он подчинен более фундаментальным морфологическим, синтаксическим и семантическим закономерностям и лишь сигнализирует нам о характере глубинных связях компонентов словосочетания. Редупликационные словосочетания по многим показателям сходны со словосочетаниями, построенными на примыкании: отсутствуют материальные носители связи, произносятся в одну синтагму, имеют сходный ритмический рисунок. Отличие их заключается только в повторяемости элементов.

Синтаксические связи незначающих частей речи. Если исходить из того постулата, что все слова в высказывании связаны между собой синтаксической связью, появляется необходимость определения типов такой связи для всех без исключения разрядов слов, и в сферу анализа попадают сочетания с энклитиками, предлогами, прейербами и другими незначающими частями речи. Ранее синтаксические структуры на таком уровне не рассматривались. Мы можем указать три типа синтаксических структур, образуемых с участием незначающих частей речи (субсловосочетания): 1) капсула; 2) изафетное субсловосочетание; 3) субсловосочетание, основанное на примыкании.

Капсулу образуют все вышеперечисленные энклитики, которые присоединяются к значащим частям речи, некоторым незначающим и друг к другу инкапсуляцией; примеры см. выше. Изафетное субсловосочетание образуют именные или изафетные предлоги, перешедшие в эту категорию из именных частей речи и утратившие свою номинативную функцию, например, перс. *tu-ye otaq* "в комнате", дари *kai-e ma* "с нами", тадж. *даруни хона* "в доме", (примеры см. в [Грамматика 1985: т.1, с.293], [Пейсиков 1959: 51]).

Примыкание на уровне субсловосочетания связывает простые предлоги: перс. *az* "из", *baraye* "для", *dor* "в", *bar* "на", *ba* "с", *be* "к", *bi* "без", *ta* "до", *joz* "кроме". Они образуют субсловосочетание с именными частями речи (существительными, местоимениями); например: перс. *ba ma* "с нами", *ta farda* "до завтра", *az zamin ta asman* "(отличается) как земля от неба". Реже в предложных субсловосочетаниях $\text{у} \llcorner \text{ПВК} \gg \text{Т}$ количественные числительные: перс. *az dah ta panzdah farvand (musak)* "от десяти до пятнадцати штук (ракет)". Как уже говорилось, предлог может присоединять местоименную энклитику: перс. *az-es* "у него", *bara-m* "для меня". В этом случае полученные субсловосочетания относятся к более элементарному виду связи - инкапсуляции. Простые предлоги *dar*, *bar*, *bi*, *joz* капсул с местоименными энклитиками не образуют, т.к. неупотребительны в разговорном стиле. Однако, капсулы могут образовывать многие изафетные предлоги, в этой позиции они не отличаются от именных частей речи: перс. *tu-y-as/tu-s* "в нем", *post-es* "позади него", *jelo-y-as* "впереди него" и т.п.

Субсловосочетания не являются сращениями (к которым относятся некоторые виды композитов), т.к., во-первых, словесные границы внутри них не являются омертвевшими; во-вторых, один элемент в них в зависимости от содержания высказывания может быть заменен на другой, что в сращениях невозможно; в-третьих, от одного элемента к другому можно задать вопрос, что характерно для единиц более высокого уровня - словосочетаний и предложений; например перс. разг. *Be-s telefon kardî?* "[Ты] ему звонила?" - *Be ki?* "Кому?" - *Be un.* "Ему." (Поскольку энклитики всегда безударны и не допускают постановки на них логического ударения, в ответе энклитика заменена на личное местоимение). Во всех описанных видах субсловосочетаний первый элемент - главный, последующие распространяют его.

Примыканием связаны превербы в перс. *bar dastan* "поднимать", *dar avordan* "вынимать", *fara xandan* "созывать", *va dastan* "вынуждать". Приставочные глаголы в положительной форме отличаются сильным синтагматическим ударением на превербе, глагольная часть почти полностью утрачивает словесное ударение. В отрицательной форме, напротив, ударение утрачивает преверб, а син-

тагматическое и словесное ударение переходит на отрицание *na/ne*. Преверб (вместе с возможной местоименной энклитикой) отделяется от следующего за ним глагола сильной словесной границей. Отрицательная приставка *na/ne* в глагольных формах словом не является (поэтому ее отнесение к частицам не оправдано) и сигнализирует о том, что перед ней проходит сильная словесная граница.

Несмотря на то, что предлоги и превербь весьма сходны по структуре и происхождению, степень семантической абстракции последних существенно выше. По лексической опустошенности они уступают только послелогам и изафетному показателю. Поэтому задать вопрос к превербу или от него не представляется возможным, что не позволяет однозначно определять структуру превербных субсловосочетаний.

З а к л ю ч е н и е . Определение слова через слабые и сильные словесные границы, позволяя считать слово базовой единицей языка, упрощает дальнейшие определения единиц более высокого уровня – словосочетания и предложения. Помимо описанных ранее четырех типов словосочетаний с подчинительной связью – изафетных, предложных, словосочетаний с местоименной связью и словосочетаний, основанных на примыкании, обнаруживается пятый тип – словосочетания, построенные на артикле. Кроме того, существует два типа сочинительных словосочетаний: 1) словосочетания, построенные на энклитическом союзе –о "и"; 2) редупликационные словосочетания.

На уровне более низком, чем словосочетания функционируют субсловосочетания – сочетания незначительных частей речи – энклитик и превербов со значительными частями речи и друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1988 - Языковые аномалии и точки роста новых явлений. // Семiotические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-88". Тезисы докладов и сообщений. М. 1988.
- Ахманова О.С.* 1966 - Словарь лингвистических терминов. М. 1966.
- Барулин А.И.* 1988 - К проблеме классификации русских композитов. // Семiotические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-88". Тезисы докладов и сообщений. М. 1988.
- Веретенников А.А.* 1993 - Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М. 1993.
- Веретенников А.А.* 1994 - Об одной грамматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелога *-ga*). // ВЯ. 1994, No 1.
- Грамматика 1985 - Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик. Душанбе 1985.
- Молчанова Е.К.* 1966 - Основные вопросы синтаксиса среднеперсидского языка (книжного пехлеви). Автореф. дис... филол. наук, М. 1966.
- Пейсигов Л.С.* 1959 - Вопросы синтаксиса персидского языка. М. 1959.
- Пейсигов Л.С.* 1973 - Очерки по словообразованию персидского языка. М. 1973.
- Рубинчик Ю.А.* 1970 - Грамматический очерк персидского языка. // Персидско-русский словарь. т.2, М.1970
- Рубинчик Ю.А.* 1981 - Основы фразеологии персидского языка. М. 1981.
- Овчинникова И.К.* 1971 - К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке. // Иранская филология. М. 1971
- Чупакова О.М.* 1987 - Книга деяний Ардашира сына Папака. М.1987
- Шарова Е.Н., Левковская Р.Г., Иванов В.Б.* 1983 - Курс персидского языка. М. 1983.
- Sive 1985 - Sive-ye emla-ye farsi dar markaz-e nast-e danesgahi. Tehran 1985.